

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ САМОУБИЙСТВО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ?

Письмо и ответ

"Автор письма в ноябрьском номере лондонского "Спиритуалиста", который называет "Фрагменты оккультной истины" спекуляциями, вряд ли прилагает это определение к Фрагменту № 3, в котором столь осторожно выдвигается гипотеза относительно самоубийства. Эта гипотеза, если рассматривать ее в самом общем виде, кажется достаточно разумной, она удовлетворяет нашим представлениям о Нравственном Законе Вселенной и совпадает с нашими житейскими взглядами, а также с тем, что мы извлекаем из науки. Вывод, который может быть сделан на основании двух приведенных случаев, то есть об эгоистичном самоубийстве с одной стороны, и о бескорыстном с другой, состоит в том, что хотя состояние после смерти может быть разным, все же основной результат неизменно плохой, а вариации касаются лишь степени наказания. Мне кажется, что приходя к этому выводу, он не имел представления о всех возможных случаях самоубийства, которые происходят или могут происходить. Я утверждаю, что в некоторых случаях самоубийство не только оправдано, но и желательно с нравственной точки зрения, и что результат такого самопожертвования повидимому не может быть плохим. Я приведу один случай, самый редкий из всех редких случаев, но нет необходимости считать его чисто гипотетическим по этой причине, ибо я знаю по крайней мере одного человека, который руководствуется чувствами, не отличающимися от тех, которые я сейчас опишу, и который был бы весьма признателен за любой дополнительный свет, который мог бы быть пролит по этому в высшей степени мистическому вопросу. (См. прим. 1 Редактора).

Предположим, что некто, кого я буду называть М., долго и глубоко размышляет над проклятыми вопросами о тайнах земного существования, его целях и высочайших обязанностях человека. Для того, чтобы подействовать своим мыслям, он обращается к философским работам, особенно к тем, которые имеют дело с возвышенным учением Будды. В конце концов он приходит к заключению, что Первая и Единственная цель существования — это быть полезным нашим собратьям, что неудача в этом представляет собой его собственную никчемность в качестве разумного человеческого существа, и что продолжая такую жизнь, он просто рассеивает энергию, которую он имеет, и которую он не в праве растрачивать по мелочам. Он пытается быть полезным, но терпит в этом полную неудачу. Что же тогда является для него лекарством? Вспомните, что здесь нет никаких причин, чтобы обратить против кого-то оружие, не нужно бояться того, что нарушен человеческий закон, не нужно избегать земного наказания; на самом деле нет никакой нравственной трусости в этом самопожертвовании. М. просто кладет конец существованию, которое является бесполезным, и поэтому не удовлетворяет своей собственной первичной цели. Не является ли такой поступок оправданным? Или он также является жертвой того превращения в призрака и пищеца, против чего предостерегает Фрагмент № 3. (2.)

Может быть М. надеется получить более благоприятные условия при последующем рождении, и тогда он будет в большей мере способен выполнять задачу Бытия. Да, вряд ли он может быть хуже; ибо вдобавок к тому, что он вдохновлен похвальным намерением освободить дорогу для того, кто может быть более годным к служению, он невиновен в данном случае ни в каком нравственном преступлении. (3.)

Но я еще не закончил. Я пойду немного дальше и скажу, что М. не только бесполезен, но и определенно вреден. К своей неспособности делать добро он добавляет беспокойную склонность, которая постоянно толкает его на попытки делать добро. М. делает попытку (он был бы недостойн носить имя человека, если бы он ее не сделал) и обнаруживает, что его неспособность постоянно приводит его к ошибкам, которые превращают потенциальное добро в действительное зло; и что благодаря своей природе, рождению и воспитанию, большое количество людей оказалось вовлеченным в результаты его ошибочного рвения, и что мир в целом больше страдает от его существования, чем от его отсутствия. Итак, если после достижения таких результатов М. пытается придать им логическое завершение, то есть, будучи морально обязанным

уменьшить зло, которому подвержены разумные существа на земле, он должен уничтожить самого себя, и таким образом совершить то единственное доброе дело, на которое он способен, — есть ли в таком случае, спрашиваю я, какая-либо нравственная вина, связанная с актом преждевременной смерти? Что касается меня, то я конечно скажу, что нет. Нет, больше того, я утверждаю, с учетом высшего знания, что М. не только оправдан в совершении такого поступка, но что он был бы негодяем, если бы сразу и без колебаний не положил бы конец жизни не только бесполезной, но и определенно вредной. (4.)

М. может ошибаться, но, полагая, что он умирает, лелея счастливую надежду, что в смерти — все хорошее, а в жизни — все зло, на которое он способен, — и в этом случае нет никаких извиняющих его обстоятельств, чтобы сильно ходатайствовать в его пользу и чтобы помочь ему избежать падения в ту ужасную пропасть, которой так запуганы ваши читатели. (5.)

М., повторяю я, — это не гипотетический случай. История изобилует примерами бесполезных и вредных жизней, которые привели к горькому результату разрушения наций. Посмотрите на творцов Французской революции, пылающих такой страстной любовью к своим соотечественникам, которая зажигала человеческие сердца; посмотрите на них, красных от невинной крови, приносящих неисчислимые бедствия своей стране, выступая под священным именем Свободы! такие сильные на вид! такие ничтожные и слабые в действительности! Какой горестный результат их неспособности! Если бы они смотрели глазами М., не были бы они его прототипом? Не благо ли это было бы для Франции, если бы они превзошли поступок М.?

Опять-таки, посмотрим на Георга III Английского, имевшего самые лучшие намерения, но неспособного Правителя, который, после своего царствования в течение долгих лет, оставил свою страну отчаявшейся и обедневшей от войн, разрываемой внутренними противоречиями, отделенной от родственных народов по ту сторону пролива, со свободой подчиненных, поспранной его ногами, и с добродетелью, протитуированной в Кабинете, Парламенте в Лондонском Суде. Его переписка с Лордом Норсом и другими дает многочисленные доказательства того, что благодаря его самонадеянности (хотя бы и вызванной добрыми намерениями) произошли бедствия Великобритании и Ирландии, бедствия, от результатов которого Соединенное Королевство до сих пор еще не оправилось. Было бы счастьем для Англии, если бы ее правитель, подобно М., увидел бесполезность своей жизни и пресек бы ее, как это может сделать М., в самом начале своей пагубной карьеры!

Вопрошающий"

ОТВЕТ РЕДАКТОРА

(1). Вопрошающий не является оккультистом, отсюда его утверждение, что в некоторых случаях "самоубийство не только оправдано, но и желательно с нравственной точки зрения". Оно оправдано не в большей мере, нежели убийство, хотя иногда и может показаться, что оно желательно. Оккультист, который видит происхождение и конечный результат всего, считает, что человек, — который признает, что любой человек в некоторых обстоятельствах может положить конец своей жизни, — виновен в таком же большом преступлении и в столь же пагубной софистике, как и народ, который утверждает право убивать во время войны тысячи невинных людей под предлогом мести за что-то, причиненное кому-то одному. Все подобные рассуждения являются плодами Авидьи, принятой за философию и мудрость. Наш друг очевидно ошибается, полагая, что автор "Фрагментов" пришел к своим заключениям только потому, что он не сумел охватить своим мысленным взором все возможные случаи самоубийств. Результат в определенном смысле конечно однозначен, и существует лишь одно общее правило или закон для всех самоубийств. Но, именно потому, что "состояния после смерти" разнообразны *ad-infinitum*, ошибочно полагать, что различия могут касаться только степени наказания. Если в каждом случае результатом будет проживание определенного периода разумного существования, мы не понимаем, откуда "Вопрошающий" вывел свое заключение о том, что результат "в любом случае плохой". Результат полон опасностей, но существует надежда на определенное самоубийство, а во многих случаях даже вознаграждение, если жизнь была принесена в жертву ради спасения других жизней и не

было альтернативы этому. Пусть он прочтет параграф 7, стр. 313 в сентябрьском номере "Теософиста" и подумает об этом. Конечно, вопрос представлен автором в слишком общем виде. Чтобы рассмотреть детально каждый случай самоубийства и их посмертные состояния, это потребовало бы не наших "Фрагментов", а целой полки книг в библиотеке Британского Музея.

(2). Никто из людей, повторяем мы, не имеет права положить конец своему существованию просто потому, что оно бесполезно. Это все равно, что доказать необходимость побуждения к самоубийству всех неизлечимых инвалидов и калек, представляющих собой постоянный источник страдания для своих семей, или проповедовать нравственную красоту закона, существующего у диких племен на островах Тихого Океана, подчиняясь которому, они предаются смерти с воинскими почестями своих стариков и старух. Пример, выбранный "Вопрошающим", не является удачным. Есть огромная разница между тем человеком, который расстается с жизнью, пребывая в полном отвращении от постоянной безуспешности совершить добро, от отчаяния быть когда-нибудь полезным, или даже от страха причинить вред своим ближним в случае продолжения жизни; и тем, кто по своей воле отказывается от своей жизни ради спасения жизни людей, которых он должен спасти по обязанности или потому, что они ему дороги. Один — это наполовину больной мизантроп, а другой — герой и жертва. Один лишает себя жизни, другой предлагает ее в жертву филантропии и своему долгу. Капитан, который остается один на борту тонущего корабля; человек, который отказывается от своего места в лодке, в которой не могут поместиться все, в пользу более молодых и слабых; врач, сестра милосердия и няня, которые не отходят ни на минуту от постелей больных, умирающих от инфекционной лихорадки; ученый, который проводит свою жизнь в умственной работе и усталости, и знает, что он трудится день за днем и ночь за ночью, чтобы открыть великий закон вселенной, что может привести к великому благу человечества; мать, которая бросается перед диким животным, напавшим на ее детей, чтобы закрыть их и дать им убежать, — все это не случаи самоубийства. Импульс, который толкает их на то, чтобы нарушить первый великий закон одушевленной природы — сохранение жизни — является великим и благородным. И хотя все они должны будут жить в Кама Локе отведенный им жизненный срок, все же они являются предметом восхищения для всех, а их память будут чтить среди живущих в течение еще более долгого периода времени. Мы все хотим, чтобы при подобных обстоятельствах у нас нашлась смелость умереть таким образом. Но не так конечно обстоят дела в случае того человека, пример которого приводит "Вопрошающий". Несмотря на его утверждения о том, что "здесь нет никакой нравственной трусости" в таком самопожертвовании, — мы называем это со всей определенностью "нравственной трусостью" и отказываемся от того, чтобы назвать это жертвой.

(3 и 4). В большинстве случаев гораздо больше требуется смелости для того, чтобы жить, чем умереть. Если "М." чувствует, что он "определенно приносит вред", пусть он удалится в джунгли или на уединенный остров, или, что еще лучше, — в пещеру или в хижину около большого города, и тогда, ведя жизнь отшельника, которая исключает любую возможность нанести вред кому-либо, — работать тем или иным образом для бедных, голодающих и страдающих. Если он будет жить именно так, то никто не "окажется вовлеченным в последствия его ошибочного рвения", и если у него есть хотя бы малейший талант, он сможет облагодетельствовать многих простым физическим трудом, совершенным в столь полном одиночестве и молчании, как это могут сделать данные обстоятельства. Все что угодно, даже быть названным сошедшим с ума филантропом, — все это лучше, чем совершить самоубийство — наиболее трусливый и подлый из всех поступков, хотя бы *felo de se* (самоубийца) прибегнул к нему в припадке безумия.

(5). "Вопрошающий" спрашивает, не является ли его "М." также жертвой превращения в призрак или пишача! Судя по описанию его характера, данному его другом, мы должны сказать, что из всех случаев самоубийства, он с исключительно высокой вероятностью является призраком из комнаты для спиритических сеансов. Вполне возможно, что он невиновен в "какой-либо нравственной низости", но поскольку он поражен "беспокойной склонностью, которая постоянно толкает его делать добро", — здесь, на земле, — мы не знаем причины, почему он должен утратить такую несчастную склонность (несчастную, потому что она приводит к постоянной неудаче) в Кама Локе. "Ошибочное рвение" конечно должно приводить его к различным медиумам. Привлеченный сильным магнетическим желанием сенситивов и спиритуалистов, "М." вероятно будет чувствовать себя "морально обязанным уменьшить зло, которому подвержены на земле эти разумные существа (медиумы и верующие)", и должен будет уничтожить не только себя, но и близких к нему духовно медиумов.

"Теософист", ноябрь 1882 г.